

Наверное, они ближе всех нам во всей так называемой Европе. Уже точно ближе бывших славян, всяких там поляков, чехов и прочих украинцев. За исключением, разумеется, сербов и болгар... Но это уже и не Европа – это Балканы. И здесь не один сапог завоевателя ногу сломал. В этот сапог засунутую...

А эти... «зелёный остров», Ирландия... Любят выпить, поют свои песни. Чтут Бога – по-русски, по-аввакумовски: «держу до смерти, яко же приях». То есть, получив латинскую схизму шесть веков назад – держат её навсегда. Ирландец – это католик. При этом он может быть троцкистом. Но – католиком...

Они – единственные (как и русские), кто надавал по шее свирепым викингам, основавшим все донныне существующие европейские династии. Включая английскую.

Правда, мы потом своих варягов позвали (уже побеждённых) к себе же – учить воинскому ремеслу и мирить вековечное славянское междоусобье. Ирландцы же потерпели два века и попросили вообще – вон. Потеряв при этом, увы, одного из немногих за всю историю своих собственных королей – мунстерского короля Бриана Бору и три четверти войска.

Они единственный народ, который, не имея ни собственной государственности, ни регулярной армии, – уже тысячу лет остаётся самим собой. При этом, при этом...

Вот бывает же так, что хорошее, доброе, породистое и миролюбивое что-то родится рядом с логовом хищников. И никуда, никуда от них не денешься, потому что кругом море. Ну нельзя же, в самом деле, отцепить свой замечательный, изумрудный остров – и уплыть подальше. Вот и приходится уже тысячу лет глядеть на кровавые дёсны и клыки не в добрый час посланных соседей. Но глядеть строго, как только и умеет народ, единственный, на островах, сохранивший себя. Потому что шотландцы и прочие валлийцы на сегодняшний день, по большому счёту, всего лишь этнографические завитушки, кельтские матрёшки и балалайки на фоне развесёлого английского флага, Юнион Джека. Чего про ирландцев не скажешь.

Им есть что помнить. И британский флаг «фартуком мясника» называли именно они.

...В девяностых – двухтысячных в мировом киноискусстве появился такой феномен – «новое ирландское кино». Увенчанное каннскими пальмами и прочими орденами за заслуги перед европейским отечеством.

Но даже – первыми легализовавшие однополые «браки», «продвинутые борцы» с родным (аутентичным самой нации) католичеством – все эти «культурные деятели», готовые ради чечевичной похлёбки Евросоюза на многое и очень многое, тем не менее даже и они темнеют лицом при одном только слове: «англичане».

И дело не только в том, что северная часть острова с самым большим в Ирландии городом – до сих пор оккупирована Англией. Дело в памяти.

Фильм Ленса Дейли Black '47 («Чёрный сорок седьмой», Ирландия, 2018 год) посвящён именно этому. В нём показаны события Великого голода 1845–1849 гг., разразившегося в Ирландии, пик этого голода пришёлся на чрезвычайно холодную для мягкого островного климата зиму 1846–1847 гг.

Можно назвать множество причин этого голода, но главную авторы фильма называют безошибочно – Англия. Именно английская политика колонизации Ирландии привела к тому, что практически все земли острова перешли к английским или шотландским лендлордам, что важно, протестантам. Собственно, водораздел в Ирландии проходил и проходит до сих пор по этой черте: католик/протестант, ирландец/англичанин.

Соответственно, католики-ирландцы оказались на своей земле в роли «арендаторов». Шесть седьмых населения страны.

В фильме это тоже нашло очень зрелищное отражение в эпизоде, когда английские протестанты за чашку супа перекрещивают умирающих от голода ирландцев-католиков.

При непомерной и всё возрастающей арендной плате завезённый из Америки в 1590 году картофель стал спасением для ирландцев, и больше трети пахотных земель отошло под него. Потому что зерновые культуры засевались для лендлордов, на продажу.

В середине сороковых годов девятнадцатого века неурожай нескольких лет подряд поставил страну и нацию на грань вымирания – по самым скромным подсчётам, до полутора миллионов человек погибло от голода, ещё столько же эмигрировало в Северную Америку. В результате Великого голода и английской колониальной политики население острова сократилось с восьми миллионов в начале девятнадцатого века до четырёх миллионов к началу двадцатого, то есть вдвое.

Был ли этот голод неизбежен, когда закрома английских лендлордов ломались от зерна, приготовленного для вывоза в Англию, – вопрос риторический. Создатели фильма не произносят этого слова, но оно совершенно неумолимо возникает перед зрителями Black`47 – это **геноцид**.

В кадре о нём свидетельствуют слова английского лендлорда, который, глядя на валяющихся по обочинам дороги ирландцев, с улыбкой произносит: «Скоро ирландцы-кельты станут в Ирландии так же редки как краснокожие индейцы на Манхэттене». Здесь нужно остановиться, потому что важно. Подчёркивается именно расовое: «кельты» (как и «краснокожие»). Если вы до сих пор думаете, что Гитлер созрел в Германии – перечитайте историю англосаксов.

Жанр фильма скорее можно определить, как атмосферный боевик. Потому что атмосфера жуткого голода и разора в стране воссоздаётся буквально в соответствии с гравюрами Бриджит О’Доннел и аутентичной ирландской музыкой.

Тем не менее это боевик – в нём есть герой, требующий справедливости и отмщения. И есть враги. С ними не всё так однозначно.

Дезертировавший из оккупационной группировки в Афганистане солдат Британской империи Фини (актёр Джеймс Фрешвилл, Австралия) возвращается в родную Ирландию, чтобы забрать семью и эмигрировать в Америку. Вместо семьи он находит могильные холмики и видит то, что мы уже описали. У него же на глазах английские констебли и слуги лендлорда убивают семью его сестры.

Опытный воин в одиночку начинает творить воздаяние. Его самосуд изошрён и неотменим, несмотря на все меры предосторожности и усиленную охрану. По следу Фини решают пустить полицейского констебля Ханну – бывшего сослуживца Фини по Афганистану, осуждённого за убийство подозреваемого. Ханну играет Хьюго Уивинг (тоже Австралия), известный ролями агента Смита («Матрица»), Элронда («Властелин колец»). Дуэт двух выходцев из страны-доминиона Британской империи получается впечатляющим, учитывая и завязку фильма – спасавшие на войне друг друга парни знают о справедливости что-то такое, что недоступно ни английскому судье, ни молоденькому лейтенанту королевских войск, ни престарелому лендлорду. В череде погонь и перестрелок Ханна ожидаемо жертвует собой и своей свободой, не давая застрелить боевого друга, а тот, в свою очередь, спасает от расстрела разжалованного констебля, но получает смертельную рану.

Режиссёр выбирает открытый финал и оставляет Ханну, похоронившего Фини, на развилке дорог – перед выбором: продолжить дело мести или поспешить на пароход, отплывающий в Америку.

Но вне зависимости от того, что решит герой – главное очевидно: с английским флагом для него навсегда покончено.

И здесь ещё один важный современный подтекст фильма: английские солдаты и сегодня, как и двести лет назад, участвуют в действиях оккупационной группировки в Афганистане (в составе сил НАТО). Что их ждёт по возвращении домой? Как они это возвращение воспримут? И что они почувствуют, глядя на английский флаг?